

МАТЕРИНСКАЯ ПОЭЗИЯ В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТУВИНЦЕВ

Ч. А. Кара-оол

Аннотация: Статья посвящена жанрам материнской поэзии тувинцев. В традиционном обществе тувинцев материнская поэзия выполняла важные функции по развитию детей, их становлению, включению в социальные отношения.

Ключевые слова: детский фольклор, материнская поэзия, колыбельные песни, пестушки, потешки, тувинский фольклор.

Материнская поэзия имеют свою специфику, и она создана взрослыми специально для детей объединяющую мир детей и мир взрослых. Следует отметить, что материалов по данному виду народного творчества в отечественной научной литературе встречается крайне малое количество. Известны только две работы, посвященные колыбельным песням. К ним относятся, во-первых, труды ученого, этномузыковеда, фольклориста А.Н.Аксенова (40-е гг. XX в). Во-вторых, работы тувинского музыковеда З.К.Кыргыз, в т. ч. «Песенная культура тувинского народа» (Кыргыз, 1992). Автор, выделив специальный раздел «Колыбельные песни и мелодические речитации», отметила, что в Туве распространены напевы колыбельных песен, родственные напевам жанра «кыска ырлар» (короткие песни).

Одним из первых жанров материнской поэзии мы относим колыбельные песни (кавай ырызы). С самых первых дней жизнь ребенок была наполнена заботой со стороны матери, ее нежными прикосновениям, колыбельными песнями. Как считалось у тувинцев, новорожденный уже отличает мягкую руку мамы от чужой, узнает ее голос, он уже различает запахи (Ламажаа, 2015: Электр. ресурс). Следует отметить, что колыбель-

ные песни помогают детям формировать слуховую и зрительную память, дети начинают запоминать лица исполнителей, а также слова и фразы, появляется первая эмоциональная реакция.

Наиболее распространенными колыбельными были өпей ыры:

<i>Өпей, сарыым, өпей, өпей, Өпей, сарыым, өпей, өпей, Өпей, уруум, өпей, өпей, Удун көрөм оой, Өпей, уруум, өпей, өпей, Удун көрөм оой, Өпей, уруум, өпей, өпей!</i>	<i>Баю, маленькая, баю, баю, Баю, маленькая, баю, баю, Баю, доченька, баю, баю, Усни-ка оой, Баю, доченька, баю, баю, Усни-ка оой, Баю, доченька, баю, баю!</i>

(Энчейбен, 2012: 5).

Характеризуя колыбельные песни тувинцев, А. Н. Аксенов писал, так: «при убаюкивании детей на такие мелодии речитируется два слова: “өпей, өпей” — “баю-баю”, “удуй бер оглум” — “усни, мой сын”» (Аксенов, 1964: 22).

Мы обращаем внимание на то, что в колыбельных песнях часто встречается слово «өпей». В некоторых районах Тувы слово «өпей» означает как второе имя, например, когда взрослые обращаются, к ребенку с ласкательными словами они звучат так: «өпея», «өпеяшка» (маленький, маленькая), также встречаются в детских кличках: «өпей-оол» (Маленький мальчик), «өпей-кыс» (Маленькая девочка).

Также в колыбельных песнях моделируется и будущая деятельность ребенка:

<i>Өпей, сарыым, өпей, өпей, Өру көрем, оой, Айнын чырыын оой, Ачаң туткан, оой, Чараш тудун оой, Алгыдар сен, оой, Хөгжудер сен, оой!</i>	<i>Баю, маленький, баю, баю, Взгляни верх, оой, Светлая луна оой, Построенную отцом, оой, Красивую стройку, оой, Будешь расширять, оой, Будешь развивать, оой!</i>

(Энчейбен, 2012: 5).

Благодаря песне задается структура социального пространства, в котором он найдет себе место, закладывается система отношений в мире людей, определяются цели жизни ребенка. М. Н. Мельников пишет, что колыбельные песни являются инструментом педагогического воздействия на ребенка, а для последнего — первичной формой освоения действительности, познания простейших форм взаимосвязи предметов окружающего мира (Мельников, 1987: 125).

Также в колыбельных присутствуют идея магической защиты ребенка от злых и враждебных духов через некрасивые названия детей. Например:

<i>Авазының бичии уруу, Авазының семиспейи, Авазының чыдыгбайы, Бичии кызы кайы чоор!</i>	<i>Мамина маленькая, Мамина толстушечка, Мамина вонючка, Где маленькая доченька!</i>

(Полевые материалы автора, далее — ПМА, 2013).

Слова «плакса», «толстушечка», «вонючка» должны были сделать непривлекательным ребенка для злых сил или сбить их с толку.

У тувинцев бытовала колыбельная песня, посвященная собственно колыбели (кавай), которую также исполняли девочкам:

<i>Авай, авай, авай, авай, Авазынган авайымны, Авайымдан артык ынак, Аартанган кавайымны. Увай, увай, увай, увай, Увазынган, увайымны Увайымдан артык ынак Удуп өскен, кавайымны.</i>	<i>Мама, мама, мама, мама, Мама милая мама, Мамы моей милой лучше, Укаченная колыбель моя. Тетя, тетя, тетя, тетя, Тетя, милая моя. Тети милой моей лучше Взрастившая колыбель моя.</i>

(Кыргыз, 1992: 43–45).

Считалось, что во время сна ребенок слышит голос, интонацию, мелодию и слова матери, а содержание песни проникает внутрь ребенка, и способствуют формированию определенных положительных качеств человека.

Второй жанр материнской поэзии — пестушки «көгудуглер». Ф.С. Капица отмечает: «пестушки, это краткая ритмизованная приговорка, состоящая из трех или четырех стихотворных строк, сопровождающая те или иные обыденные действия с детьми (Капица, 2002: 59).

Во-первых, они выполняли сакральные функций. И здесь звучит тема защиты. Тувинцы сопровождали пестушками буквально все действия ребенка колыбельного периода в период бодрствования. Например, когда ребенок только просыпался, мать, поглаживая его, ласково проговаривала:

<i>Авазының ачыыназы, Авазынын хунчугежи, Авазынын борбаашкажы, Карактарын ажыдып алган, Отуп келген борбаашкажы!</i>	<i>Мамино неженко, Мамино солнышко, Мамина пышечка, Глазки свои открыла, Пышечка лежит, проснулась!</i>

(ПМА, 2011–2013).

Во-вторых, пестушки выполняли физические функции. Например, они звучали и тогда, когда ребенка необходимо было перепеленать, а заодно и сделать массаж:

*Бистиң бичии бутчугааштарывыс,
Бистиң бичии холдарывыс.*

*Наши маленькие ножечки,
Наши маленькие ручки.*

(ПМА, 2014).

По нашему мнению, пестушки, сопровождающие массаж способствовали физическому моделированию. Когда ребенок начинал самостоятельно выполнять конкретные действия, то содержание пестушек и их темпоритм менялся. Они исполнялись более активно, ритмично и помогали координировать движения. Например, когда он самостоятельно сидеть, держать равновесие:

*Авазының оглу,
Олуруп эгелээн увааң,
Уван оой, олуруп эгелээн,
Олур, олур хензигпей,
Олур, олур!*

*Мамин сыночек,
Начал сидеть увааң,
Уваан оой, начал сидеть,
Сиди, сиди маленький,
Сиди, сиди!*

(ПМА, 2011–2013).

Рассматривая вышеуказанные пестушки, мы обращаем внимание на следующие моменты. Во-первых, исполнение их характеризуется ласковыми приговорами. Во-вторых, маркируются действия живого человека, способного самостоятельно и осмысленно действовать (ползать, сидеть). Если ребенок начинал самостоятельно стоять, ходить, держать предметы, осмысленно протягивать ручки, подпрыгивать, мать исполняла следующие пестушки:

*Тур, тур,
Тур, тур, тур оглум.*

*Стой, стой,
Стой, стой, стой сынок.*

(ПМА, 2012).

По нашему мнению, благодаря пестушкам, ребенок с колыбельного возраста учился не только понимать смысловую речь, но и учиться, координировать ритм своих движений с движениями и словами взрослого.

К третьему жанру материнской поэзии мы относим потешки «хөгледиглер». Рассматривая потешки в культуре тувинцев, следует отметить, что они характеризуются напевностью и ритмичностью. Мы

выделяем три вида потешек. К первому виду относятся игры-потешки, связанные с маркированием ребенка как живого человека этого мира. Например, потешка «боп-боп». С помощью этой потешки его обучают твердо стоять на ногах, и приговаривает до тех пор, пока тот не упадет. Стоит родителям произнести слово «боп-боп», ребенок карабкается, старается подняться на ноги.

Второй вид потешек связан с приобщением ребенка к культурному пространству. Они способствуют приобщению ребенка к конкретным действиям, например, когда одевают ребенка:

<i>Теп-теп тевенек, Теве саар идиктиг, Хап-хап хаванак, Кара саар идиктиг!</i>	<i>Надень, надень тевенек Свои верблюжьи сапожки, Надень, надень хаванак, Свои юфтовую сапожки!</i>

(Дьяконова, 1988: 165).

Здесь мы видим, при исполнении потешки, ребенок старается и сам протягивал поочередно свои ножки, что бы его обули.

Или, например, когда надевали на голову ребенка шапочку, то, чтобы он не капризничал, приговаривали:

<i>Авазынын сарыгбайы Бөргувусту кедээли, Сарыгбайы, сарыгбайы, Бөргун, кедей, Бөргун кедей!</i>	<i>Мамино желтенькая Наденем шапочку, Желтенькая, желтенькая, Оденет шапочку, Оденет шапочку!</i>

(ПМА, 2014).

И наконец, потешку исполняли в развлекательной форме, во время кормления ребенка, если не хотел кушать кашу, то взрослый приговаривал:

<i>Найнам чип ал, шымда-шымда, Анайлар бис «чийин» деп турлар Муукейлер келди шымда, Мунуң «мээ» деп эдип турлар</i>	<i>Давайка-давайка кушай ням, Козлятки, хотят «кушать» Муу идет, давайка, «Дай» нам супчик говорят</i>

(Калзан, 1976: 146).

Мы согласны с мнением А. К. Байбурина о тесной связи ритуала и важных моментов в жизни человека, в том числе на его начальном этапе. Он писал: «человек должен видеть, слышать, ходить, говорить, но эти свойства не просто со временем приходят к ребенку, а появляются в результате выполнения определенных ритуальных действий, что всякий ребенок рождается «сырым» и первоочередной задачей является формирование его физического облика (Байбурин, 1993: 54).

Таким образом, материнская поэзия тувинцев, играя роль оберега, защищала, по мнению взрослых, ребенка от сглаза, болезней и злых сил и способствовала тем самым его физическому развитию, формированию психологического здоровья. Слушая материнские песни, он запоминал мелодию и слова, соотносил их с конкретными действиями, учился понимать речь. В материнских песнях маркируется, что ребенок как человек способный выполнять конкретные действия (ползать, сидеть, стоять, ходить), половозрастная дифференциация и социальная принадлежность. Кроме того, они способствуют осмыслению основных реалий окружающего мира (одежда, обувь, животные, пища).

Информанты:

2011–2013 гг. — Кара-оол Севильбаа Байкараевна. 1934 г/р, уроженка Кызыльского района поселка Баян-Кол.

2014 г. — Кара-оол Саяна Александровна, 1974 г/р, уроженка Кызыльского района, поселка Баян-Кол.

Список литературы:

Аксенов, А. Н. (1964) Тувинская народная музыка. М. 328 с.

Байбурин, А. К. (1993) Ритуал в традиционной культуре // Байбурин А. К. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука. С. 54.

Дьяконова, В. П. (1988) Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л. : Наука. С. 152–186.

Калзан, А. К. (1976) Очерки тувинского фольклора. Тыва улустун аас чогаалы. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 146 с.

Капица, Ф. С. (2002) Русский детский фольклор: учебное пособие. М. : Флинта ;

Наука. 320 с.

Кыргыс, З. К. (1992) Песенная культура тувинского народа. Кызыл. 102 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7759-lamazhaa.html (дата обращения: 29.04.2015).

Мельников, М. Н. (1987) Русский детский фольклор: учеб. пособие. М. : Просвещение. 240 с.

Энчейбен, Д. (2012) Тыва улустун өпей ыры // Шын (газета). № 140 (18260) от 1 декабря. С. 5.

Дата поступления: 07.05.2015 г.

MOTHER POETRY IN CHILDREN'S FOLKLORE OF TUVANS

Ch. A. Kara-ool

Abstract: Article is devoted to mother poetry of Tuvans. In the traditional Tuvan society maternal poetry performed important functions in development of children, their engagement and initiation in social relations.

Keywords: children's folklore, mother poetry, cradle songs, nursery rhymes, Tuvan folklore.